

МОНАХ, ОСНОВАВШИЙ КОМПАНИЮ С ОБОРОТОМ В 250 МЛН ДОЛЛАРОВ

МАЙКЛ РОУЧ

СЕКРЕТНЫЕ УЧЕНИЯ О САМОИСЦЕЛЕНИИ

КАТРИН

Майкл Роуч
Секретные учения о
самоисцелении. Катрин
Серия «Система Алмазный Огранщик»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70266379

Секретные учения о самоисцелении. Катрин:

ISBN 978-5-17-157210-5

Аннотация

Майкл Роуч – первый представитель западной культуры, получивший ученую степень Геше – Мастера буддизма – и редкое знание об этом тайном мире после 25-летнего обучения в тибетском монастыре Сера Мей; основатель проекта по сохранению азиатского культурного наследия; автор более 30 переводов древних текстов, учредитель Института Алмазного Огранщика, который теперь обучает достижению успеха около 30 000 человек в год почти в 20 странах.

Вы держите в руках новое произведение от автора бестселлера «Алмазный Огранщик. Система управления бизнесом и жизнью».

«Девочки так не делают!» – все детство слышала Пятница, которая живет высоко в Гималаях за тысячи лет до нашего времени. Вопреки запретам и обычаям целеустремленная наследница древнего тибетского рода решает постичь мудрость

монахов и стать Геше – доктором буддийской философии, чтобы исцелить родных и одолеть Повелителя Смерти. Удастся ли ей?

Эта история расскажет о смысле жизни, самопознании, преодолении трудностей и достижении своих целей. Становясь символом самоопределения и поиска истины внутри себя, юная героиня открывает для читателей мир тибетских многовековых традиций, учит их слушать свое сердце и стремиться к духовному росту.

Это книга о бесконечности познания и предназначении. Она расширяет границы мышления и приносит гармонию и мудрость в жизнь читателя.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Девушки так делают	6
1	7
2	11
3	19
4	28
5	36
6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Майкл Роуч

Секретные учения о самоисцелении. Катрин

© Роуч М., текст

© Шкатулова В., перевод

© ООО Издательство АСТ»

Девушки так делают

Старик долго смотрел на чашку чая в своих руках, а затем снова устремил на меня свой стальной взгляд, внимательно изучая мое лицо. И наконец, он сказал:

– То, о чем ты спрашиваешь... то, что ты хочешь изучить, это очень серьезно, – он опять замолчал и опустил взгляд, словно ища слова на дне чайной чашки. – И даже если бы я знал – немного – об этом... исцелении... ну, я бы никогда не смог научить тебя этому, – эти слова болью отозвались в моем сердце. Он заметил это.

– Я имею в виду, не зная... не зная точно, кто ты есть и почему хочешь этому научиться; именно ты, такая юная, простая девушка, – он снова сделал паузу, изучая чашку в своих руках. И вдруг он поднял голову, его глаза сверкнули. – И как ты меня нашла! Как обнаружила этот скит! Я не верю, что кто-то когда-либо способен добраться сюда так, как ты! – он пристально посмотрел в мои глаза, словно разглядывал мою жизнь, и промолвил:

– Итак, расскажи мне, дитя, все с самого начала и ничего не упусти.

1

Наш дом

Я родилась в год Водяной Свиньи в Первом Цикле, или в 1083 году по западному исчислению. Первое, что я помню, как открываю глаза, смотрю вверх на изящную темно-синюю бирюзу, радостно покачивающуюся и танцующую надо мной. Она, как лунным светом, была обрамлена маленькими серебряными кольцами, висящими на нитке из красивых ореховых бусин.

Мой взгляд скользнул вверх по нитке бус до сильных смуглых пальцев, и я впервые увидела моего любимого брата Тенцинга. Его красивое лицо с высокими скулами выделялось на фоне стальной голубизны круглого окна-неба высоко наверху. Взгляд его ярко-карих оленьих глаз вспыхнул любовью, он громко рассмеялся и закричал:

– Амала! Моя хорошенькая младшая сестричка наконец-то проснулась!

Амала – на нашем языке означает «моя дорогая мать» – подошла и наклонилась, я подняла глаза и также на фоне неба увидела ее милое лицо. Она обняла моего брата Тенцинга, ласково погладила его гладко выбритую голову и сказала:

– О да, она такая хорошенькая. Но теперь возвращайся

к своим занятиям, мой маленький Геше, и пусть малышка отдыхает.

Он неотразимо улыбнулся и ласково сказал:

– Пока! – счастливо глядя на меня. Два лица исчезли с небесного круга, и драгоценная бирюза была аккуратно убрана прочь, а я осталась в своей колыбели, устланной мягкой шерстью, под теплым одеялом, и глядела на синеву нового дня.

Я помню, как пролежала там несколько часов, глядя вверх в круглое отверстие на вершине купола нашей юрты. Красивое желтое солнце медленно проходило через него в течение дня, бросая мне золотой луч света, в котором струйки дыма от семейного очага закручивались в спирали и играли для меня весь день. Теплое круглое пятно света лениво пересекало комнату, задерживаясь на моем теле, и согревало меня сверху, а со спины меня окутывало тепло семейного очага, выложенного из камней под окном-небом.

Моя жизнь была связана с этим окном; это было все, что я могла видеть, лежа в колыбели, и я ощущала себя сестрой Солнца днем и Луны ночью, когда она пересекала круг тьмы по тому же пути, по которому ранее проходило Солнце. Мое сердце вылетало из окна и кружилось вверху, как яркий белый огонь звезд, вокруг какой-то могучей незримой оси. Я была дитя Неба и редко думала о Земле.

Небесное окно около четырех футов в диаметре было лучшей частью нашей юрты. Оно заливало весь дом мягким ян-

тарным светом и выпускало дым очага к небу. Это был большой круг из крепкого можжевельового дерева. Его пересекали восемь дугообразных спиц, укрепленных деревянным кругом поменьше около фута в поперечнике, внутри которого был прекрасный деревянный крест.

Купол жилища высоко поддерживался несколькими дюжинами столбов – они были выкрашены в рыжевато-оранжевый цвет с замысловатыми рисунками драконов и жар-птиц цвета индиго, малинового и изумрудно-зеленого. Глядя из своей колыбели, я терялась в потоке солнечного света и лучах, исходящих от него, я иногда чувствовала, что нахожусь глубоко внутри своего тела, в самой его сердцевине, которая бежит вверх и вниз, вглядываясь в сияющие линии, будто сосуды, отходящие от ядра. Итак, это мои первые воспоминания о великой оси и линиях света с пересекающими их сферами звезд и планет внутри и вокруг меня – моем новом доме.

Наш дом был теплым и живым. Как и во всех семьях, где я жила, мы все спали вместе, расстелив вечером на полу шерстяные ковры, одеяла и шкуры. Устраиваясь ко сну, мы разговаривали, смеялись и напевали. На одной стороне юрты у моей бабушки, которую звали Тара, был особый соломенный матрас и несколько красивых крытых сундуков. Поэтому она возвышалась в свете костра, спокойная и сильная, глядя на нас смеющимися, сверкающими глазами и была похожа на королеву. И действительно, она была принцессой или пред-

водительницей своего народа на самом далеком севере, у великого озера Байкал.

– Расскажи мне эту историю еще раз, бабушка Тара, – умоляла я, сидя у нее на коленях в детстве. Она с радостью откладывала веретено, с помощью которого пряла шерсть для ковров моей матери Амалы, потому что действительно была принцессой в душе и никогда не любила ручной труд. Затем, как всегда ее руки тянулись к мешочку на ярком кушаке и доставали для меня кусок чура кампо. Это была наша детская конфета в те дни, потому что сахарный тростник не рос в наших краях, а «белый песок» (так мы называли сахар) приходилось возить через горы из Индии на вьючных животных – поэтому он был редким и драгоценным.

Чура кампо был еще лучше: маленькие кубики сыра размером чуть больше игральные кости, нанизанные на нитку и высушенные на солнце. Наша земля была так высоко, что почти ничего никогда не портилось и эти кубики могли храниться годами. Они были тверды, как скалы; их приходилось сосать часами, что было хорошим способом заставить детей молчать во время рассказа. (Дядя утверждал, что кубики сушеного сыра были изобретением злых духов, потому что все в Тибете ели их и часами не могли молиться, ведь у них был набит рот). Но бабушка Тара никогда не здоровалась и не прощалась со мной, пока не положит мне в рот кусочек сыра.

2

Семья

– Я была тогда молода и красива, – начинала бабушка, и в это легко было поверить, потому что даже в старости она замечательно выглядела. Ее волосы длиной до талии уже давно стали чисто белыми, но все еще были пышными и блестящими – она заплетала их в одну косу, как большинство тибетских женщин, а потом обматывала вокруг головы и завязывала на затылке лентами из бенгальского шелка. Эта прическа всегда выглядела словно корона.

Ее блузки были шелковыми, с длинными рукавами, доходившими до кончиков пальцев, – старинный обычай в благородных семьях, показывающий, что они никогда не занимаются черной работой, – и в холодный день в рукавах хорошо было укутать руки. Она всегда шила блузки с высоким китайским воротником, подчеркивавшим ее длинную шею и аристократический подбородок, который она держала высоко – не из тщеславия, а из-за естественной королевской осанки, которую она всегда сохраняла. Именно от нее мой брат Тенцинг унаследовал свои высокие рельефные скулы и изящный орлиный нос.

– Мой отец был знатным вождем в нашей стране и известным купцом. Он водил большой караван на юг и на запад

к Шелковому пути, стремясь торговать мускусом, мехами и драгоценными металлами из наших лесов. Я упрасивала его взять меня с собой всего один раз, и он в конце концов согласился, хотя, думаю, главным образом из-за страха, что меня украдут во время набегов банды разбойников из восточных монгольских земель, которые уже тогда набирали силу.

Возле древнего города Хотан мы столкнулись на самом Шелковом пути с другим караваном, направлявшимся в Китай с товарами из шерсти и стадами овец. Им руководил твой дорогой дедушка... — она всегда останавливалась на этом месте, чтобы вытереть слезу с глаз, потому что он скончался до моего рождения, — ...который, как ты знаешь, был одним из величайших торговцев, которых когда-либо знал Тибет; не то, чтобы он был сильно богат в те дни, это было до того, как он встретил меня. И конечно, ты знаешь, что это он научил твоего отца всему, что знает, когда тот был еще молодым парнем с несколькими мешками соли и парой яков, — и она снисходительно улыбнулась (я же говорила, кажется, что она была бабушкой со стороны моей матери).

Короче говоря, твой дедушка однажды увидел меня и был так поражен, что приказал остановить караван и провел три недели практически на коленях, умоляя моего отца о моей руке, в то время как погонщики верблюдов и яков из обоих лагерей торговали пивом чанг и вином арак, пили и дрались, пока почти все товары не были уничтожены. В конце концов твой дедушка расстался с половиной всего своего состояния

– с тремястами овцами – и я уехала с ним, – гордо заканчивала она, а я представляла себе огромное море пушистых овец, направляющееся на запад, а дедушка и его жена скакали на двух лошадях на восток. Позже я поняла, что мой дед заключил хитрый союз с монголами, которым предстояло построить одну из величайших империй когда-либо существовавших в Азии; брак защищал нашу семью и ее караваны на протяжении многих лет.

Но для меня бабушка Тара была как еще одна маленькая девочка, и мы часами сидели и хихикали вместе, к большому огорчению моей матери Амалы, так как ей нужна была пряжа для ковров. Бабушка научила меня делать утреннее подношение санга – сушеного порошка из веток можжевельника с высоты священных гор – для Тенгери, небесных богов монголов. Когда она преклоняла колени над дымом, поднимающимся из костровой ямы, она выглядела как королева-жрица, и я была в восторге от ее силы и грации. В моем мире она была небосводом, непоколебимым авторитетом и силой.

Отец, как настоящий делец, добродушно терпел все эти фокусы. Он, конечно, был верным последователем Будды, но ездил в специальные поездки, чтобы убедиться, что у его свекрови всегда есть священный порошок можжевельника: «Потому что ты должен быть защищен, понимаешь? Кто знает, какая религия может оказаться правильной!»

Такая терпимость была основой его философии жизни, и, хотя он часто уезжал с караванами, я глубоко любила и ува-

жала его. Он был прирожденным торговцем, настолько убедительным, что мы с братом Тенцингом всегда избегали его по утрам, когда пора было раздавать работу по дому, потому что за несколько минут он мог уговорить выполнить дополнительную работу и заставить чувствовать, что иначе вы как-то подводите семью. Он был гениален в бизнесе, а его брат, дядя Джампа, в духовных делах. Отец всегда жил по одному правилу – обе стороны в сделке должны получать прибыль. Так он воплотил в реальной жизни самый важный кодекс, на котором мы были воспитаны: заботиться о других так же, как мы заботились бы о себе.

Главными товарами отца была соль и тонкие шерстяные ковры, которые Амала и другие женщины ткали в своих юртах. Он и мужчины из нескольких других семей вели длинную вереницу яков и других выючных животных на северо-восток к большим солончакам, а затем на юг к перевалам, возвышающимся над Непалом. Они ехали в эту великую долину и торговали в шумной столице Катманду, взамен приобретая драгоценности из Индии, расположенной еще южнее. Он привозил домой сахар и рис; различные специи и благовония, такие как шафран и сандаловое дерево; драгоценные шелка из Варанаси с берега великой реки Ганг.

В роду отца была даже индийская кровь: у него было счастливое пухлое лицо с круглыми глазами и носом иностранца, что позволяло ему легко торговать даже в отдаленных землях. В юности он с братом и сестрой путешествовал

вместе с моим другим дедом до центральной Индии.

Отец был младшим из троих, а дядя Джампа, который жил с нами, был средним. Сестра была намного старше, но ее уже не было, и о ней никто никогда не говорил.

Моя мать, Амала, была тихой, нервной женщиной. Должно быть, ее лицо напоминало дедовское, потому что оно было совсем не похоже на бабушкино, а скорее худощавое и заостренное, с широко раскрытыми совиными глазами и иссиня-черными волосами. Ее жизнь была тяжелой из-за того, что мой отец уезжал так далеко, и она брала всю ответственность на себя. За исключением услуг доярки по имени Букла и нескольких полевых рабочих, помогающих с посадкой и сбором урожая, Амала не принимала помощь, предложенную семьями товарищей по каравану моего отца, чьи жены и дети разбивали лагерь неподалеку на востоке всякий раз, когда мужчины были в пути. Поэтому у нас редко бывали гости.

Амала проводила весь день со своими коврами, которые ткала на станке, расположенном напротив маленького бабушкиного трона через костровую яму. Ткацкий станок был придвинут к стене юрты, сделанной из деревянной решетки выше человеческого роста в месте соединения с конструкцией крыши. Если отец приносил специальный заказ на большой ковер для какого-нибудь непальского поместья или храма, Амала устанавливала более широкий ткацкий станок на балку, которая шла от вершины стены к одному из двух

крепких столбов из можжевельника, установленных по обе стороны от очага в качестве опор для небесного окна и купола крыши.

Ковры Амалы славились своими замысловатыми узорами, более подробными, чем у любой другой ткачихи в нашей части страны. На ее коврах красовались не только тибетские снежные львы и горные вершины, но и сложные китайские символы; искусные восковые печати монгольских князей и очертания грозных животных джунглей Индии. В течение нескольких часов, пока я сидела, отвлекая мою бабушку по одну сторону семейного очага, Амала смиренно трудилась за станком напротив нас, соединяя и перенося эти разные миры внутрь деревянной рамы. Каждую новую нитку она уплотняла тяжелым деревянным брусом в ритме, который проникал в меня и оставался вместе с секретами узоров, потому что я была любознательной девочкой – я внимательно наблюдала и все запоминала.

Единственное, что могло вырвать Амалу из ее дневного транса за ткацким станком – это появление моего брата Тенцинга, который приходил каждый час или два за тибетским чаем для дяди, который вел занятия в своей юрте напротив нашей поляны. Этот чай является основным продуктом питания в нашей стране и больше похож на бульон. Мы выпивали 15 или 20 чашек в день, чтобы зарядиться энергией на большой высоте и защититься от холода. Каждое утро и после обеда Амала готовила новую партию, напол-

няя огромную маслобойку кипятком, кусочками прессованных листьев чая джапак из Китая, молоком, маслом, солью и часто пищевой содой или мускатным орехом. Затем она запечатывала крышку маслобойки, которая представляла собой высокую узкую бочку, похожую на поставленную дыбом пушку из красивой потертой твердой древесины с декоративными медными кольцами. После этого раздавался знакомый свист поршня, который снова и снова проталкивался через чай, пока он не превращался в густой золотистый бульон, являющийся для нас символом Дома.

Тенцинг приносил меньшую маслобойку дяди и наполнял ее, а Амала суежилась вокруг «маленького геше» и спрашивала его, как идут занятия. Помню, одним из моих первых обращений к маме было:

– Амала, я тоже хочу пойти послушать уроки дяди.

Она взглянула на меня тогда с легким удивлением и сказала:

– Девочки так не делают, дорогая.

Внезапно я услышала очень громкий голос в своей голове, и он сказал: «Девочки делают так!» Но, как послушная дочь в азиатской семье одиннадцатого века, я даже не пикнула, а просто посмотрела себе под ноги.

Так что единственное время, когда я действительно могла быть наедине со своим братом Тенцингом, вдали от дяди и Амалы, было ночью, когда мы ложились на толстые ковры, повернувшись к огню, надежно устроившись между крова-

тью бабушки и высокой стопкой ковров, на которых спали мать с отцом. Мы укрывались с головой одеялами и ждали, когда заснут взрослые, а потом я спрашивала Тенцинга, чему дядя научил их за день.

Он с гордостью читал мне лекции, словно уже был геше, и отвечал на все мои вопросы с любовью и терпением. Однажды ночью он выпалил:

– Пятница, сегодня я узнал кое-что действительно особенное!

– Что именно? – прошептала я в ответ.

– У дяди есть секрет! – объявил он.

Как я получила свое имя

– Ну, расскажи мне! – прошептала я громче.

– Один из мальчиков, ну, ты знаешь, самый большой, Дром, протащил в класс жабу. И он совал ее своему другу Молоту, а тот пытался взять ее так, чтобы дядя не видел, что происходит, и... – Тенцинг начал хихикать как сумасшедший.

Всякий раз, когда он хихикал, заражал меня своим смехом, но мне удалось справиться с собой и я громко зашептала:

– Ш-ш-ш! Ты всех разбудишь! Итак, что случилось?

– Значит, жаба, знаешь, как это бывает, помочилась прямо в руку Молота, он взвизгнул и швырнул жабу к алтарю дяди.

– Что случилось потом?

– Дядя был занят поиском какой-то цитаты, которую не мог вспомнить и даже не заметил. Я подумал, что у всех будут проблемы, если мы не вернем жабу до того, как дядя ее увидит, поэтому я притворился, что встаю, чтобы снова налить дяде чашку чая.

– Как ты достал жабу?

– Проходя мимо алтаря, я сделал вид, что уронил крышку от маслобойки и она покатилась к задней части алтаря,

а я нагнулся и протиснулся между стеной юрты и алтарем и потянулся к жабе, а потом я почувствовал, что один из камней в задней части алтаря шатается, и я заглянул внутрь и увидел, что его можно подвинуть, и было похоже, что внутри там был маленький сверток.

– Ты видел, что в нем было?

– О, нет! В этот момент дядя сказал: «Ага! Вот ты!» и я подумал, что он говорит со мной, и схватил жабу в одну руку, а другой поднял деревянную крышку и сказал: «Нашел!» и увидел, что дядя, все еще опустив голову, читает строки классу. Так что я подошел и наполнил его чашку, меня трясло, и я чуть не положил жабу на маслобойку вместо крышки, и знаешь, Дром ухмылялся надо мной, поэтому по дороге на свое место я бросил жабу ему на колени. Было здорово.

– Так что, по-твоему, находится в секретном свертке? – спросила я поспешно.

– Я не знаю и не думаю, что мы когда-нибудь узнаем. Дядя почти никогда не покидает юрту больше чем на несколько минут – только погладить коров или сходить в туалет.

Я понимающе кивнула, потому что дядя действительно был целеустремленным. Он был самоотрешенным монахом и до поздней ночи продолжал свои молитвы и занятия. Он был чем-то вроде постоянного займа для нашей семьи от местного монастыря, чтобы делать то, что мы называем «шаптен». Отец приобрел в храме в Катманду полный свод древних учений Будды, которые были переведены на

наш язык с санскрита, очень древнего священного языка Индии. Это было до того, как печать с ксилографии стала распространена в нашей стране и книги переписывались вручную на длинные тонкие листы рисовой бумаги, сделанной по образцу древних пальмовых листьев, которые были первой бумагой Индии. Переписчики раскрасили каждую страницу изображениями ангелов и мудрецов красками, сделанными из измельченных драгоценных камней.

Эти книги были почти бесценны и являлись величайшим сокровищем нашей семьи. Шаптен – это обычай, когда монаха-ученого отправляли из местного монастыря на некоторое время в семью, у которой была хотя бы одна драгоценная книга. Монах читал нараспев книгу, медленно, в то время как члены семьи бродили по комнате и выходили из нее, часто слушая не понимая, надеясь посеять благословение, чтобы правильно изучить содержание книги в будущей жизни.

Итак, работа дяди состояла в том, чтобы громко распевать эти рукописи, и я не могу припомнить момента в первые годы моей жизни, когда бы он не прочитывал их из раза в раз глубоко за полночь, что только коровы и звезды оставались его слушать. Он был уже в годах, и было принято поздно вечером заглядывать в его маленькую деревянную дверцу, прежде чем все члены семьи ложились спать, и часто приходилось видеть, как он согнулся, прижавшись лбом к груди какого-нибудь изящного ангела на странице, заснув посреди предложения.

Монаху, подобно дяде, пришедшему петь священные книги для семьи, давали отдельное место для проживания, так как по его обету он не мог спать под одной крышей с женщинами. Однако, если союз между приезжим монахом и семьей удавался, он мог оставаться дольше и дольше, становясь другом, учителем и своего рода наставником для всей семьи; и каждый ее член не стеснялся заходить почти в любое время, чтобы получить его совет как по вопросам духа, так и по повседневным делам. И именно так, по словам бабушки Тары, я получила свое имя.

Через несколько дней после моего рождения отец и Амала завернули меня и пошли к дядиной юрте, потому что в нашей стране есть обычай, когда лама дает ребенку имя. Пришла бабушка, чтобы убедиться, что все сделано правильно, по традиции.

После формальностей – ритуальных приветствий и поклонов, небольших подношений из шкур животных, наполненных маслом, и чашек прекрасного черного чая – мы уселись на коврике перед дядей, который, как и большинство монахов, использовал свою маленькую деревянную кровать как единственный стул в своем маленьком доме.

Нервно взглянув на бабушку, отец начал:

– Уважаемый лама, почтенный Джампа Рабгай Ла, мы просим вас оказать нам честь и дать нашей дочери имя.

Дядя, как обычно, сиял широкой белоснежной улыбкой из-под длинных белых усов, клочьями свисающих в уголках

рта. Но его глаза по-прежнему были грустными, полными какой-то глубокой печали, которую он хранил столько, сколько я его знала.

– Конечно! Конечно! С удовольствием! – прохрипел он. Дядя тепло посмотрел на каждого из нас, задержавшись на строгом взгляде бабушки, и продолжил, – приступим, однако, это займет время. Все должно быть сделано по правилам, вы знаете. Мне нужно совершить несколько действий, чтобы получить правильное имя, так что всем придется потерпеть. Особенно тебе, маленькая девочка! – Он наклонился и пощекотал меня под подбородком. Я немного нахмурилась – чтобы сменить настроение – но избавила его от необходимости произнесения заклинания против слез, потому что я действительно чувствовала себя очень счастливой в тепле его юрты и рядом с ним.

Затем, еще раз посмотрев на бабушку, высокую и строгую, которая сидела позади отца и Амалы, дядя порылся в нескольких закрытых корзинах, стоящих у его кровати. Наконец он вытащил маленькую лакированную коробочку с двумя маленькими белыми косточками. Это были костяшки овцы, почти квадратные, с разными углублениями на каждой стороне. Что сделало их очень популярными среди монголов и северных племен в качестве игровых костей и также с помощью них предсказывали будущее. Бабушка знала их с детства и одобрительно кивнула.

Затем дядя достал маленькую книжечку из отдельных ли-

стов рисовой бумаги, завернутую в грязную старую шелковую ткань, которую носили поколениями. Это была книга карци о расположении звезд и планет, полная странных рисунков и символов, помогающих определить лучшие дни для выполнения важных дел и те дни, которых следует избегать. Также в ней содержались подсказки для принятия всевозможных решений. Позже дядя говорил мне, что доброта и понимание того, как на самом деле работают хорошие дела, — единственные две вещи, которые нужны каждому для принятия какого-либо решения, но и то и другое также требуют уважения к обычаям, которые другие могут счесть важными. И вот он внимательно перелистывал книгу, время от времени многозначительно напевая, бросал кости на столик, стоявший между ним и моими родителями, считая на суставах пальцев, как это делаем мы, тибетцы, и время от времени бамбуковой палочкой в своем красивом, неторопливом стиле каллиграфии, делал пометки на маленьком клочке пергамента.

Он продолжал довольно долго, и все взрослые начали немного нервничать. К счастью, я наслаждалась ощущением момента все еще тихо. Он хмурился. Бормотал что-то про себя. Время от времени он нервно поглядывал на бабушку, и она начинала волноваться. Наконец дядя глубоко вздохнул; сложил страницы книги вместе и накрыл их тканью; а затем положил кости обратно в коробку. Все это он делал очень медленно, как бы оттягивая трудный момент. Даже мои ро-

дители начали нервничать, а бабушка была готова запаниковать.

– Имя девушки, – медленно произнес дядя, переводя взгляд с одного лица на другое, – должно быть... Пасанг.

Бабушка вздрогнула, а затем посмотрела на дядю.

– Есть какая-то опасность? – спросила она. – Девочку надо поддержать в котле?

Дядя нервно покачал головой, потому что бабушку было тяжело переубедить, когда что-то шло не по плану. Он много путешествовал и знал северный обычай держать новорожденного ребенка в большом котле в течение нескольких дней, если мать ранее теряла детей при родах. Люди думали, что духи смерти будут искать нового ребенка, поэтому младенец будет спрятан, и все будут говорить о нем так, как будто он уже мертв. Они считали, что это одурачит духов, и те уйдут. Мать кормила своего ребенка в тишине, укрывшись тканью.

– Нет, – задумчиво сказал дядя, а потом добавил свою любимую фразу. – Вещи не всегда такие, какими кажутся. Он сделал паузу и продолжил. – Не нужно обманывать духов; на самом деле, наоборот.

– Тогда зачем ты дал ей мальчишеское имя, если не для того, чтобы сбить с толку духов смерти, ищущих ее? – спросила бабушка, потому что она чувствовала, что моя мать должна знать правду несмотря на то, что это будет трудно.

И тут сама Амала заговорила тихо, доверясь ламе, сми-

рившись с его решениями.

– Это хорошее имя, – начала она, – и я знала многих прекрасных людей с таким именем. Ты даешь ей его, потому что она родилась в пятницу? Ибо в нашей стране тоже принято называть детей по дню недели, в который они родились, а Пасанг – это наше слово, обозначающее пятницу.

– Нет, – осторожно ответил дядя, – не потому. И пожалуйста, поймите – он осторожно поднял руку, – это не я выбрал ей имя, – он посмотрел на бабушку.

– Это ее имя; Таким должно быть ее имя. Все предрешено, – сказал он уверенно, указав в сторону древней книги и коробки с игральными костями.

– Но что это значит, брат мой? – наконец сказал отец, тихо и задумчиво, как он иногда делал, когда его разум поднимался над грандиозными деловыми начинаниями.

Дядя повернулся, посмотрел своим прекрасным грустным взглядом на моего отца. Он говорил тихо, почти благоговейно.

– Ее зовут Пасанг, и вы должны называть ее так; она будет зваться Пятница. Но всегда помните, что истинное значение слова «пасанг» – это планета Венера, утренняя звезда. Звезда, которая восходит гораздо ярче, чем любая другая звезда за всю ночь на всем небосводе, возвещая конец тьмы и приход Солнца. Пасанг, Пятница, Венера – утренняя звезда... – тихо сказал он и коснулся своими теплыми мягкими руками моей головы. – Она приходит в самый темный и холодный

час ночи, она знает худшие времена, и сияние поднимается с Востока и поглощает ее в славе, славе, которая наполняет мир.

Затем наступила тишина и ощущение чего-то, что удовлетворило даже бабушку Тару.

Я начинаю иной путь

Дядя Джампа, однако, по праву ценился в деревне Кишонг и соседнем монастыре Гемпил Линг не за свои способности прорицания, а за знание древних книг и мудрость, передававшуюся через многие поколения добрых и вдумчивых учителей, сначала в землях Индии, а затем и в Тибете. Дядя был уникален тем, что мог читать старые книги на санскрите и обучался в Индии около двенадцати лет у одного из величайших мудрецов нашего времени.

Его знания, смирение и хорошее настроение сделали дядюшку популярным учителем, и большую часть утра и после обеда он проводил занятия для групп молодых студентов-монахов, которые каждый день совершали долгую прогулку из монастыря, чтобы насладиться его знаниями и выйти за стены аббатства, чтобы развлечься несколько часов, прогуливаясь по сельской местности без присмотра.

Занятия длились около часа каждое, начиная с младших учеников, а к вечеру приходили более опытные воспитанники. В наши дни в Гемпил Линге проживало около 250 монахов; десять из них были старшими учителями, такими как дядя, который отвечал за обучение 120 молодых монахов. Ученики-монахи были разделены на десять классов в соот-

ветствии с их уровнем подготовки на курсе, ведущем к ученой степени геше. Геше становился монах, овладевший пятью великими древними книгами по самым разным предметам, от философии до молитв и медитации. Курс был довольно трудным, и только несколько монахов в каждом классе сдавали выпускные экзамены. Наш монастырь был одним из первых в Тибете, где обучали монахов таким образом, и дядя, благодаря знаниям полученным в Индии, помог организовать учебную программу и создать методику проведения экзаменов.

За много лет данная система распространилась по всей нашей стране, а получение ученой степени геше становилось все более сложным и строгим. Но даже в наше время каждый монах в Гемпил Линге надеялся удостоиться этой чести, а мечтой каждой матери было увидеть, как ее сын сдает устные экзамены и выигрывает в состязаниях по риторике остроконечную золотую шапку перед толпой сельских жителей и монахов. Конечно, такую судьбу для моего брата Тенцинга желала и моя мама.

Тенцинг был почти на десять лет старше меня, и родители посвятили его в монашескую жизнь еще до моего появления. Мальчикам в возрасте семи лет разрешалось давать свои первые обеты – по древней традиции они считались достаточно взрослыми, если могли спугнуть своим криком дикую ворону, сидящую на ветке. Новички тратили первые восемь лет на то, чтобы научиться читать, а иногда и писать;

они также посвящали несколько часов в день заучиванию по крайней мере трех произведений древней классики. Только когда им исполнялось пятнадцать, их считали достаточно взрослыми, чтобы тщательно обдумать вопрос – готовы ли они начать заниматься с учителем, чтобы постичь смысл книг, которые они уже выучили наизусть.

Потом проходило еще десять лет напряженной учебы, которые в настоящее время растянулись на двадцать, чтобы сдать экзамены на геше. На полпути, в возрасте двадцати лет, молодой человек делал свой окончательный выбор: оставаться монахом или нет. На этот раз решение было его собственным, и его нужно было сохранить на всю жизнь. Но у девушек такого выбора не было, как я узнала на собственном горьком опыте.

Мой отец и дядя уговорили настоятеля монастыря, их старого друга, который тоже учился в Индии, разрешить Тенцингу стать помощником дяди. Все это было спровоцировано Амалой, которая хотела усидеть на двух стульях, чтобы ее дорогой сын стал геше, но не покинул нас, когда вырастет. Молодые слуги старшего ламы приносили еду с кухни; таскали воду для питья и умывания из ближайшего ручья в двух ведрах, свисающих с шеста, балансирующего на плечах; следили за чистотой алтаря ламы – свежие цветы и благовония должны были быть на алтаре всегда. Но самой важной работой было наполнение чашки ламы горячим, крепким, соленым тибетским чаем, который, как всем известно, абсолютно

необходим для ясного мышления при чтении трудной книги.

Однажды Тенцинг опоздал за чаем; Амала отвлеклась на выправление ковра, а бабушка решила вздремнуть. Я помню мне было около пяти лет. Я просто смело встала и сделала то, что всегда хотела. Я схватила маленький сосуд с чаем и отнесла его дяде.

Когда я проскользнула в его дверь, дядя вел урок, пристально глядя вниз со своего места на кровати на группу из восьми молодых учеников класса, в котором учился Тенцинг.

– ...Итак, настоящая защита – настоящий приют и убежище – это не изображения святых и даже не книги с мудростью, которой они учили в нашем мире, – сказал он напряженно, указывая на алтарь и стопку драгоценных рукописей. – Скорее вас защищают сами идеи: совершать добро другим и знать, почему вы это делаете, и осознавать, что это принесет...

Внезапно он остановился, посмотрел поверх кучки бритых голов и поймал меня удивленным взглядом.

Я быстро потупила взор и, прежде чем его глаза успели сказать мне обратное, прошла в переднюю часть помещения вдоль небольшого пространства перед алтарем, оставленного студентами для прохода помощника. Я подошла к столику дяди и встала в сторонке. Внезапно меня поразила тишина, и я почувствовала, как все мальчишки смотрят на меня. Мои руки начали трястись. Я сняла крышку с маленькой деревян-

ной маслобойки и подняла ее, чтобы наполнить чашу дяди, но мне не хватило роста. Один из мальчиков начал хихикать.

Помню, все это очень ясно, потому что именно эти несколько мгновений и определили мой дальнейший жизненный путь. Я поставила маслобойку на пол и потянулась обеими руками за чашкой. Кто-то пробормотал:

– Девочка... в классе! – я не видела, кто это был, да это и не имело значения. Я слышала то, что слышала.

Теперь мои руки так сильно тряслись, что мне пришлось сунуть маслобойку под мышку и обеими руками держать чашку. Я наливала чай. А потом дядя сказал:

– Пятница... Пятница! Что ты делаешь?

Я вздрогнула и пролила немного чая на пол. Несколько мальчиков начали хихикать. В чашке оказалось совсем немного чая, но я не могла продолжать. Я беспомощно посмотрела на дядю.

– Я... я... принесла тебе... ч-ч-чай, – пробормотала я, держа маслобойку под мышкой. Я не могла дотянуться, чтобы поставить чашку обратно на высокий стол. Так что я просто протянула чашку дяде, и тогда он меня спас; он положил свои теплые руки на мои, взял чашку и посмотрел на меня своими грустными глазами, испытующе, но с утешением.

– Спасибо, Пятница, – сказал он любезно, но так, чтобы выпроводить меня из комнаты. Я отступила от него, как поступают служители, но очень громкий, возмущенный голосок раздался в моей голове. «Останься! – он сказал. – Стой

на месте! Он собирается рассказать им о защите, а это важно для всех, и ты тоже имеешь право об этом знать!»

Как и тогда, этот голос приходил ко мне на протяжении всей моей жизни. Иногда мне кажется, что это просто гордыня или еще какие-то негативные эмоции. Но часто он призывает меня что-то сделать ради истины. И в любом случае, он всегда вынуждает сделать что-то, что трудно, что-то правильное, но то, что обычно никто не сделал бы, и за что другие будут меня критиковать. Но в итоге я считаю, что этот голос полезен. И вот я остановилась и замерла у угла алтаря. Я ждала, чтобы узнать.

И все же была тишина. Дядя снова взглянул на книгу, которую преподавал, словно собираясь с мыслями. Среди мальчиков раздался нервный шорох, и он оторвался от книги и посмотрел на меня. Его взгляд и голос стали суровыми, и он сказал:

– Теперь ты можешь идти, Пятница.

Он снова вернулся к книге, но я чувствовала его внимание на себе. Я покраснела и посмотрела в пол. Я колебалась, внутри меня рос гнев. Но из уважения к дяде я пробралась вдоль алтаря в заднюю часть юрты к двери.

Но на полу передо мной лежала священная книга, которой обучал мальчиков дядя. У каждого молодого монаха была своя копия, потому что сначала все должны были переписать ее текст изящной каллиграфией для практики. Я остановилась. Я не могла пройти мимо книги, не могла перешагнуть

через нее, потому что в нашей Тибетской стране – да и на всем Востоке – ноги считаются очень нечистыми, и мы не можем наступать на священные предметы на полу или приближаться к ним. Мы никогда не носим обувь в доме, а прикосновение к ногам другого человека или их омовение считается актом глубокого смирения, так поступали некоторые великие святые. Я не могла выйти.

Я взглянула в сторону и увидела, кто положил туда свою книгу – это был самый крупный мальчик в классе. Я знала его имя, это был Дром, у меня все время было плохое предчувствие на его счет. Он взглянул с усмешкой, и на мгновение я вгляделась в его лицо – слегка вздернутый нос, зубы острые и злая ухмылка, как у крысы. Я повернулась и столкнулась с дядей, прижав маслобойку к своей маленькой груди, готовая расплакаться.

Его глаза снова вспыхнули.

– Пятница, – твердо сказал он. – Иди немедленно. Ты должна уйти сейчас. – Мое сердце было готово разбиться. Дядя был так добр к нам. Дядя все понимал, он не мог отказать мне в чем-то только потому, что я девушка.

– Я... я... – я запнулась и закрыла глаза, по моей щеке покатилась слеза. Я опустила голову, чтобы скрыть это.

В это время чья-то рука коснулась моей лодыжки, и я посмотрела вниз. Это был Тенцинг, он, отстранив большого мальчика, молча убрал драгоценную маленькую книжку с моего пути.

Меня выпустили как птичку. Я подбежала к двери и обернулась. Я чувствовал на себе взгляды всех мальчиков и дяди.

– Я буду учиться! – беззвучно произнесла я, остановившись и гордо выпрямившись в солнечном свете у двери. А потом я вышла.

Направляя взрослых

Инцидент с дядиным чаем толкнул меня за какую-то черту. Я почувствовала сильное желание узнать то, чему учились Тенцинг и другие мальчики; даже просто услышав тот обрывок учения от дяди, я несколько дней зачарованно думала о том, какая идея может защитить тебя, как верный друг или меч защитят тебя от чего-то очень опасного.

Но даже в этом юном возрасте я чувствовала безнадежность своих поисков; я ощущала себя окруженной великими течениями могучей реки традиций – того, как все всегда было испокон веков, того, что заставляло меня вырасти женщиной, подобно Амале и бабушке Таре, тихо сидящей в затемненной юрте, всю жизнь занимаясь ткачеством или приготовлением еды, не замечая запертой двери в большой мир, в которую Тенцинг и его друзья уже входили. Нет, я решила, что не буду такой. Я сделаю то, чего девушки не делают, независимо от того, чего ожидают от меня окружающие.

Мой первый шаг был ясен. Тенцинг, как и все мальчики в близлежащем монастыре, проводил время после нашего ужина на улице, медленно прохаживаясь по большому кругу вокруг семейных юрт, репетируя тексты книг, которые он должен выучить наизусть, если он когда-нибудь надеется

стать геше. Эти книги были написаны много веков назад на санскрите и переведены на тибетский язык первыми из лодцов нашей страны – мастерами-переводчиками. Тексты учений были даны в стихотворной форме, чтобы их было легче запомнить, но записаны они были своего рода знаками или кодом, который ваш учитель должен был объяснить вам, прежде чем вы сможете что-то понять. И потому на юношей, прогуливавшихся около монастыря, воспевая древнюю непонятную мудрость, мало кто обращал внимание.

Но песнопения сами по себе были необычайно красивы, каждый монастырь и каждый главный Учитель имели свою мелодию. Ибо было сказано, что невидимые печальные души бродят в муках по миру с наступлением сумерек, и, если громко петь свою книгу на ходу, они смогут услышать ее и утешиться.

Я, как всегда, составила свой план – придумала способ, по крайней мере, в моем уме, обмануть мир, чтобы он позволил мне сделать то, что обычно не позволял делать людям, но что-то, что действительно могло бы помочь самому миру, если это произойдет. Я решила, что миру нужен первый геше-девочка. В конце концов, мы сильно отличаемся от мальчиков – я не говорю, что мы обязательно умнее, хотя может быть и так, – и если геше-мальчики могут учить и помогать людям тем, чему они научились, то геше-девочки могут делать то же самое, но особенно – по-девичьи. И поэтому я решила, что должна находиться возле ступы.

Ступа, если вы еще не знаете, это что-то вроде маленького храма, построенного где угодно – может быть посреди большого города или просто на обочине дороги. Люди не заходят внутрь, чтобы помолиться – на самом деле, обычно туда невозможно попасть. Внутри ступы находится маленькая коробка или сверток с очень особенным предметом. Это может быть, ну, скажем, зуб особенно доброго человека, жившего давным-давно, а может быть, кусочек одежды.

Артефакт просто запирают и строят вокруг него ступу – может быть, большой купол в форме луковицы, или, чаще всего в сельской местности, просто складывают вокруг большую кучу камней. Наша ступа была такой – она стояла позади нашей семейной юрты – огромная пирамида из камней, собранных при расчистке полей вокруг. Дядя, отец и несколько караванщиков усердно работали и собрали из камней красивую остроконечную ступу с глубокой нишей спереди.

Там была прекрасная бронзовая статуя Тары, Хранительницы Свободы, сидящая на плоской белой каменной дорожке; Отец привез ее из Непала. К нише можно было нагнуться, и мы часто ставили ночью в нее несколько масляных ламп. Так они были защищены от ветра, а из глубины камней струился жизнерадостный свет.

Честно говоря, я не знаю, что это была за священная вещь, запечатанная внутри нашей ступы; Дядя сказал, что это что-то особенное, что он давным-давно привез из святой земли,

из Индии, но не сказал, что именно. Эта тайна делала ступу еще более особенной для нас с Тенцингом, и мы часто играли возле нее.

Важным моментом для меня было то, что она была построена довольно близко к углу загона для скота, поэтому, чтобы обойти юрты или срезать путь до тропы, ведущей к монастырю, нужно было ходить прямо мимо ступы. У нас есть поверье, что если вы обойдете святое место, будь то ступа или дом вашего учителя, сохраняя правильный настрой и доброжелательные мысли о людях, то благословение данного места снизойдет на вас и поможет вам стать лучше.

Излишне говорить, что Тенцинг, когда он зубрил книги, которые я собиралась тайно изучить, всегда ходил вокруг семейной юрты и ступы. Потом он возвращался на нашу полянку по внутренней стороне загона к дядиной юрте, ведь дядя почему-то настоял на том, чтобы поставить свою юрту прямо на краю загона. Я не представляю, как он мог спать при том шуме, который производили животные, громко мыча далеко за полночь, а потом снова просыпаться задолго до рассвета.

В любом случае, я могла слышать примерно половину того, что декламировал Тенцинг, и я могла повторять это про себя, прежде чем он вернется к нашей юрте для следующего раунда. Это был не идеальный способ учиться, но он был единственный. А наличие трудностей, которые нужно преодолеть, как вы знаете, иногда заставляет вас учиться че-

му-то лучше, чем людей, которым знания просто вручили. Так что, можно сказать, мне повезло.

– Бабушка Тара, – скромно сказал я, расставляя первую часть своей ловушки, – расскажешь мне еще раз историю о своем имени, о Таре?

– Конечно, дитя, – ответила она, и этого уже было достаточно на несколько кусочков сушеного сыра. Я сосала первый кусочек, а бабушка начала свой сказ. – Видишь ли, если долго молишься и совершаешь хорошие поступки, то превращаешься в... ну, что-то наподобие ангела. И тогда появляется способность быть в трех местах сразу...

– В трех? – я недоверчиво переспросила, чтобы сделать мою маленькую ловушку более правдоподобной.

– Да! Ты могла бы быть там в деревне, в Кишонге; в монастыре, Гемпил Линг тоже; а еще сидеть здесь в юрте и слушать бабушку, – заключила она, понимающе кивнув.

– Зачем быть в трех местах одновременно? – спросил я с большими круглыми глазами.

– Конечно, чтобы помочь большему количеству людей, – ответила она. – Ты могла бы быть в деревне, играть с одиноким ребенком, а затем отправиться в монастырь по важному поводу, например, завтра вечером помочь зажечь масляные лампы, и все равно вернуться сюда наблюдать за коровами для Амалы.

Я задумалась.

– Но разве это не будет немного пугающе? Разве люди не

расстроятся через некоторое время и не подумают, что ты странный?

– О, совершенно верно, – кивнула она. – Поэтому ты выглядишь как три разных человека, подстраиваясь под восприятие людей. Для ребенка ты становишься похожей на другого ребенка. Для монахов ты выглядишь монахом. И, может быть, здесь ты выглядишь как красивая взрослая дама.

– И люди могут научиться этому?

– Конечно, – сказала бабушка. – Каждый может научиться делать это и помогать все большему и большему количеству людей одновременно. Вот о чем все книги; вот почему дядя учит; вот почему мальчики учатся, чтобы стать геше. И чтобы напомнить всем, что иногда полезно, что Пробужденный может проявиться в виде девушки, например, Тара – будда в женском облике, – так пришел в наш мир.

– Что означает твое имя? – спросила я. – Что означает Тара?

– Это означает Хранительница Свободы – женщина, которая показывает людям, как быть свободными, – сказала она с гордостью.

– Кто дал тебе это имя? – не унималась я.

– О, мне его никто не давал. Я просто решила, что оно мне нравится, и взяла его, когда выходила замуж за твоего деда... – она огорчилась и замолчала.

– Мне понравилось значение, и я хотела вписаться в его

семью, поэтому я взяла одно из их имен.

– Тогда как твое настоящее имя?

– Мое настоящее имя Тенграр Йоух.

– Это тоже имеет значение?

– На нашем языке, в северных землях, это означает Храпительница Неба. На самом деле, это то же имя, что и у твоей тети, за исключением того, что ее имя было на родном языке, и они называли ее Дакини.

– Дакини... – я произнесла это имя, и что-то йокнуло в моем сердце. – Дакини. О, бабушка, какой она была? Ты знала ее?

– О нет, дитя. Это было давно, когда твой отец был еще мальчиком, – сказала она серьезно.

– Где она? Почему я не могу ее видеть?

– Я не знаю, – ответила бабушка, и я поняла, что это действительно большой секрет, если даже бабушка не могла его узнать. – На самом деле никто не знает, и твой дядя никогда об этом не говорит, – тихо сказала она.

Я кивнула и поняла, что пора идти к ступе.

– Значит, если я буду много молиться Таре, как ты думаешь, я могла бы научиться быть в трех разных местах одновременно, чтобы помогать людям?

– Конечно, – сказала бабушка Тара, обрадовавшись моему интересу к ее теще.

– Есть даже специальная молитва, которую девушкам разрешается выучить – это может занять некоторое время, но я

думаю, что ты можешь запомнить ее целиком. В ней 21 четверостишие, обращенные к Таре.

– О, чудесно! – воскликнула я. – Можешь меня научить? И тогда я могла бы выходить, может быть, по вечерам, к ступе, и петь эту молитву ей там!

Бабушка немного помолчала, думаю, она прикидывала, сколько времени ей понадобится, чтобы вытянуть из дяди молитву и выучить ее самой, а потом бодро сказала:

– Конечно, я могу это сделать. И я сообщу Амале и отцу о нашем маленьком плане, уверена, что он им понравится. Мы начнем с первого четверостишья на следующей неделе, а затем будем учить понемногу каждые несколько недель, если получится.

Я просияла в ответ, встала на кровати и обняла ее за шею. Затем мне пришла в голову одна последняя мысль.

– Какое событие состоится завтра в монастыре, бабушка?

– Назначение нового настоятеля монастыря, вернее, переизбрание старого, но в любом случае это зрелищно. И твой отец планирует потом разжечь большой костер, чтобы отпраздновать это событие, – сказала она, глядя на меня озорным взглядом. – И да, конечно, мы с тобой пойдем вместе.

Я визжала от восторга, особенно потому, что мне удалось так успешно заманить этого особенно упрямого взрослого в мою ловушку. Это оказалось проще пареной репы.

В тот вечер я пошла убирать алтарь Тары у ступы. Она смотрела на меня немного сурово, но, думаю, одобрительно.

Мимо проходил Тенцинг, едва начав нараспев читать первую строчку своей первой книги:

Те, кто слушают, ища покоя...

Я послушала и тут же повторила. Со временем бабушка Тара научила меня всей молитве Тары, 21 стиху. Но к тому времени, когда мне исполнилось десять лет, Тенцинг и я закончили учить наизусть три самые важные книги курса геше: более тысячи стихов. И никто, кроме моего собственного сердца, никогда не слышал, как я их пою.

Хранительница на Троне

Мы с бабушкой Тарой подошли к главному храму монастыря Гемпил Линг. Если вы никогда не были в таком храме в великий праздник, будет сложно объяснить, на что это похоже. Все монахи из нашего монастыря и со всей округи были там, в своих лучших золотых одеждах; они заполнили храм, проходя чрез большие лакированные двери, располагаясь на крыльце и ступеньках, сидели на земле на подушках рядами лицом друг к другу. В этот день всем разрешалось носить высокие остроконечные шапки геше, и от этого казалось, что колышется водная гладь, когда монахи пели молитвы с благими вестями, покачиваясь в унисон под бой больших барабанов. Стены всех зданий вокруг и сама земля вибрировали от этого ритма.

Сельские жители заполнили проходы в храм, где они тихонько шли вдоль огромных каменных стен позади поющих монахов к алтарям, чтобы вознести молитву и поднести лампаду. Где-то там, среди младших монахов, затерялись Тенцинг и его одноклассники; даже дядю по такому случаю выманили из юрты, и он должен был сидеть впереди со старшими геше.

Мы подошли к порогу храма. Чантинг (распевание мо-

литв) становился очень громким, приближаясь к кульминации, сотни голосов рвались к самым высоким нотам. Порыв ветра, наполненный теплом человеческих тел, ароматом ладана и запахом масла, горящего в тысячах крошечных лампад, ударил мне в лицо. Вереница из десяти верховных лам в особых шапках и изысканных одеяниях торжественной процессией двигались прямо посреди моря звука и людей. Я стояла на пороге у массивных дверей храма. Бабушка шла вперед, держа меня за руку. Но я не могла двигаться.

Я увидела нечто необычное, что поразило меня до глубины души. Прекрасная женщина была на троне. Я рассмотрела ее за рядами золотых шапок, она тоже была золотой, но еще более яркой, потому что сама была соткана из света. Она подняла голову, и мы встретились взглядами. Ее глаза были полны любви и одновременно силы.

Я вырвалась от бабушки. Она звала, но я не могла ее услышать. Я побежала прямо к Хранительнице на троне по центральному проходу мимо всех монахов. Я должна была добраться до нее, прикоснуться к ней. Мимо развевающихся шелков верховных лам. Над изящными символами добра, нарисованными на полу перед алтарем. Вверх по утоптанным глиняным ступеням к трону, а затем потянулась к ней, воздев руки и сердце, пытаясь подняться по деревянным ступеням самого трона.

Она посмотрела на меня сверху вниз, и тогда я ясно увидела ее, она улыбнулась, чтобы сказать, что все хорошо и вре-

меня придет, – и тут сильные руки схватили меня под мышки и поставили обратно на пол в стороне от трона.

– Эй, малышка! – сказал большой улыбающийся монах. – Это место сегодня уже занято, если только ты не новый настоятель Гемпил Линга!

Я взволнованно взглянула на него и показала на Хранительницу, которая сидит на троне, но ее уже не было. Я растерянно нахмурилась и сжала огромную теплую руку счастливого монаха.

– Что происходит, Геше Лотар? – Я услышала позади себя веселый голос сквозь грохот. Повернулась и увидела, что процессия лам достигла алтаря и трона. Монах впереди был невысоким, круглым, веселым мужчиной с широкой улыбкой и слегка косыми глазами, от него исходило тепло.

– Не знаю, Драгоценнейший, – ответил поймавший меня монах. – Но, похоже, у вас может появиться конкуренция в вашей новой работе, – улыбнулся он. Тогда Драгоценный взял меня за другую руку и наклонился, радостно глядя на меня. Он ущипнул меня за щеку, сказал, – привет, – и снова выпрямился.

– Сейчас ты никак не вытащишь ее из этой давки, – сказал он, оглядываясь на массу поющих монахов и толпы деревенских жителей. – Я предлагаю вам просто посадить ее рядом и держать с собой до конца церемонии – тот, кто потерял ее, наверняка уже увидел нас и придет за ней. – Я заметила, что почти все смотрели на нас, люди внизу вытягивали шеи, пы-

таясь понять, что происходит и почему маленькая девочка срывает церемонию избрания следующего настоятеля Гемпил Линга.

Драгоценный настоятель повернулся и поднялся по ступеням к центральному трону, где только что сидела Хранительница. По обе стороны от него были расположены несколько более низких тронов для бывших настоятелей монастыря и приезжих сановников. Лама на троне справа выделялся среди остальных, он немного напоминал мужскую версию моей бабушки. У него была длинная аристократическая шея и его окружал ореол власти. Он холодно, с неодобрением посмотрел на меня, и я невольно вздрогнула. Но тут счастливый монах, Геше Лотар, уже потянул меня вниз к благообразным пожилым монахам, которые расположились в ряд прямо на помосте перед алтарями, состоявшими из огромных каменных плит, тянувшихся через всю переднюю часть храма.

– Что случилось, малышка? – громко прошептал он с улыбкой, наклонившись ко мне. Я посмотрела на него.

– Тот другой Лама, на низком троне. Он выглядит таким злым! – прошептала я в ответ.

Геше Лотар посмотрел вокруг.

– А, он. Это сам Отец-основатель! Тот, кто основал весь этот монастырь много лет назад; первый из наших настоятелей, и до сих пор именно он настоящий руководитель здесь, независимо от того, кого выбирают главным монахом. И он не совсем злой, – сказал Геше Лотар и сделал паузу, – просто

суровый. Нужно быть именно таким, чтобы основать новое место, подобное этому, в стране, где раньше никогда не было много монастырей.

– О, – сказала я. И тут я попалась на глаза настоятелю, монаху, которого называли Драгоценным. Его трон, который в наших храмах представляет собой на самом деле просто причудливую подушку на очень высоком узком помосте, имел рядом с собой забавный столик с тощими ножками почти в человеческий рост. И там был монах с большим медным кувшином, поднявшим его так высоко, как только мог, наливая свежий тибетский чай в тонкую белую китайскую фарфоровую чашку на столе. Драгоценный подмигнул мне и указал на чай, а затем на меня, как бы говоря: «Ты тоже сможешь!»

– Но он выглядит очень дружелюбным человеком, – сказала я Геше Лотару, кивнув головой в сторону настоятеля.

– О, Драгоценный... он действительно такой. Нужно иметь большое сердце и отличное чувство юмора, чтобы быть настоятелем этого места или любого другого крупного монастыря. Видишь ли, монахи очень упрямые люди – нужно быть упрямым, чтобы оставаться монахом, – а чтобы управлять их большой группой, нужно быть мудрым и терпеливым человеком. Драгоценный, Геше Донье, он именно такой. И вдобавок скромный, и веселый, поэтому он всем нравится. Вот почему монахи выбрали его настоятелем еще на шесть лет, и это то, что мы все сегодня празднуем.

Он остановился и долго смотрел мне в глаза.

– Хочешь быть настоятелем, малышка? – он посмеялся.

– О, да, – сказала я. – Он носит прекрасные мантии, и все должны его слушать, и он получает свой чай первым, прежде чем кто-либо другой. – Я указала на толпу, где через ряды монахов проходили послушники с большими кувшинами чая. Каждый монах вытаскивал из-под одежды маленькую деревянную миску, чтобы получить порцию, и держал ее в ладонях на коленях.

– Ах, это, – рассмеялся Геше Лотар. – А теперь подумай хорошенько, прежде чем так говорить, – снова засмеялся он. – Эта куча специальных мантий на настоятеле действительно жаркая и неудобная, особенно возле такой крыши. Разве ты не видишь, как он потеет? – он улыбнулся. Я подняла глаза и увидела, что это действительно так, и улыбнулась в ответ.

– А что касается того, чтобы говорить всем, что делать – это его работа, и это то, что он делает, но никто не слушает больше, чем это необходимо. Это очень тяжело – сказал он, понимая кивнув.

– А что касается чая, – наконец прошептал он, потому что в храме внезапно воцарилась почти полная тишина. – Они дают ему эту причудливую чашечку, но в ней не больше чая, чем в наперстке. И его обслуживают первым, но затем ему приходится ждать, пока самый последний маленький монах где-нибудь у подножия крыльца получит свою порцию, прежде чем он сможет начать молитву благодати за

чаем. А к тому времени чай настоятеля остывает как лед и его трудно пить. Бьюсь об заклад, он бы предпочел большую горячую чашку этого юного монаха. – Геше Лотар усмехнулся и откинулся назад с серьезным официальным видом, когда кто-то сунул чашку чая ему в руки. Через некоторое время Драгоценный начал молитву благодати, и все подпевали и предложили первый глоток Пробужденным.

Потом был долгий обед, молодые монахи бегали взад и вперед по проходам и угощали всех церемониальным рисом с изюмом и маленькими коричневыми корнями, похожими на трюфели, по вкусу напоминавшими орехи. Угощение они несли в огромных плетеных корзинах и раскладывали в такие же деревянные чаши. Потом всем, включая жителей деревни, достались огромные куски сладких круглых лепешек, испеченных в то утро на монастырской кухне на огромных сковородах из массивных листов сланца с каменной гряды возле нашего дома. Затем, наконец, преподнесли особое угощение – чай с молоком и большой ложкой драгоценного сахара.

Пока люди наслаждались едой, мастер чантинга – большой толстый монах с низким громким гулким голосом, который соответствовал его животу – встал совсем рядом с нами. Он развернул длинный свиток и проревел какое-то длинное провозглашение о новом настоятеле и других монастырских служителях – я точно не помню, как это было, потому что я очень устала от всех переживаний, жары в храме и вкусно-

стей, которые Геше Лотар продолжал запихивать в меня, как какая-то большая веселая версия Амалы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.